

В. Л. Шуников**Прецедент сетевой драмы: «Сентябрь.doc» М. Угарова и Е. Греминой**

Статья посвящена феномену новейшей литературы – сетевой драме: пьесе «Сентябрь.doc» М. Угарова и Е. Греминой автор рассматривает как драматическое произведение, поэтика которого детерминирована принципами интернет-коммуникации. В статье переосмысливаются ключевые литературоведческие категории («герой», «конфликт», «сюжет» и пр.) в свете художественных особенностей сетевой драмы.

Ключевые слова: сетевая драма, современная литература, интернет-комментарий, «Сентябрь.doc».

V. L. Shunikov**Precedent of a Network Drama: "September.doc" by M. Ugarov and E. Gremina**

The article is devoted to the phenomenon of the contemporary literature – "network drama". Analyzing "September.doc" written by M. Ugarov and E. Gremina, the author describes poetics of the drama, which is created in compliance with the principles of internet communication. In the article literary categories ("character", "conflict", "plot" and others) are revised in the light of network drama poetics.

Keywords: network dramaturgy, contemporary literature, comment, "September.doc".

Словосочетание «сетевая литература» сегодня стало широкоупотребимым, в силу чего необходимо начать с пояснения его значения. Нередко «сетевой литературой» называют все художественные сочинения, размещенные в Интернете. На наш взгляд, корректным является иное понимание «сетературы» – как особого литературного феномена, а именно произведений, поэтика которых детерминирована принципами интернет-коммуникации и генерирования текстов. Таких сочинений, созданных русскоязычными авторами, немало, наиболее известные среди них – «Роман» Р. Лейбова, проект О. Лялиной "My boyfriend came from the war", «Оконная поэзия» Г. Жердева и др. [1]

Среди всех образцов сетературы особенно интересной для нас является сетевая драма. Правда, прежде чем приступить к анализу ее художественных принципов оговоримся, что нам известен единственный пример, который можно назвать собственно «сетевой драмой», – это пьеса М. Угарова и Е. Греминой «Сентябрь.doc».

В качестве основной композиционной формы речи авторы пьесы выбирают так называемые интернет-комментарии [2]. Имитируется графика и стилистика «комментов»: ставшие общепринятыми в Интернете сокращенные версии слов («инфа») и русские транскрипции английских слов («маил»), речевые и грамматические ошибки, полное отсутствие знаков препинания, нецен-

зурная лексика и пр. Проявляется фирменная черта интернет-дискурса – сводятся на нет различия между устной и письменной речью [3]. В одной из частей драмы текст имитирует телефонный разговор (что отмечается в подзаголовках), но субъекты речи, озвучивающие эти реплики, обобщенно-имперсональны [4], поэтому их высказывания качественно коммуникативную ситуацию не меняют.

Представленная в пьесе интернет-коммуникация трансформирует образ человека и мира. Комментарии не позволяют нам представить, ни как выглядят субъекты речи, ни антураж, в котором произносятся реплики. Многие элементы, из которых традиционно формировался мир драмы, оказываются нефункциональны: нет визуализируемого хронотопа, предметного ряда, жеста, эмблемной портретной детали и пр. В пьесе образность формируется исключительно текстом, визуальная и пластическая компонента ее оказываются элиминированы. Драма Е. Греминой и М. Угарова становится прежде всего литературным произведением, уходя от синтеза разных искусств, характерного для театра [5]. Не будем вдаваться глубже в вопрос о сценичности произведения, скажем лишь, что полноценным разыгрыванием пьесы становится ее чтение.

Активность герои в «Сентябре.doc» проявляют исключительно в речи. При этом почти каждый субъект высказывания говорит в пьесе еди-

ножды (немногие получают право голоса 2–3 раза), поэтому количество говорящих радикально возрастает – в пьесе 77 комментариев. Однократное участие субъектов речи в действии делает «Сентябрь.doc» непохожей на традиционную драму с последовательным противостоянием ограниченного числа героев. В пьесе М. Угарова и Е. Греминой персонажи вводятся не с целью выявить достоинства и недостатки их мировоззрения, функция героев сводится к декларации каждым своей позиции. Новое высказывание манифестирует очередное индивидуальное мнение [6].

Преумножение субъектов речи тянет за собой расширение обсуждаемой тематики: все диспуты вращаются вокруг чеченской войны, но поднимается вопрос отношения к власти, к разным национальностям и еще очень длинный перечень социальных проблем [7]. Каждая из тем сопровождается широким диапазоном ее оценок: в пьесе немало радикальных суждений – вплоть до экстремистских.

Интернет-коммуникация обуславливает особенности взаимодействия героев: диалоги между ними возникают, но они кратки и немногочисленны. В большинстве своем субъекты речи не адресуют высказывания друг другу, но излагают свою позицию для всех (это одна из атрибутивных черт комментариев в сети). Текст пьесы в целом невозможно охарактеризовать как диалог или полилог: ни один из последующих комментариев не становится ответом на предыдущее высказывание; он возникает как реакция на некое информационное сообщение. «Реплики» разных субъектов речи соотносятся лишь тематически, и то не всегда напрямую. Например, обсуждение того, как надо поступать с террористами, дополняется высказыванием **«№ 47. Я вчера пожалела мокрицу: Я вчера пожалела мокрицу. Мокрица ползла по стене, и мама сказала, что они хорошие. У моей мамы все хорошие. И что весной у них брачный период. Мне так жалко стало мокрицу, которая, наверно, ползла к своему жениху, и я ее не стала убивать»** [8]. С ключевой темой это высказывание связано метонимически, через мотив «убий – не убий», который актуализирует в своем сознании читатель.

Усилить художественное воздействие такой композиции текста позволяет отсутствие информационных «зачинов», которые могли бы предшествовать каждой из восьми частей пьесы. Содержание этих сообщений читатель может представить себе лишь гипотетически [9]. Тем самым

в фокусе нашего восприятия – не конкретный инцидент, но палитра мнений героев.

Интернет-комментарии позволяют не обозначать авторство высказываний, что открывает субъектам речи возможность выразить мысль предельно откровенно. (Вероятно, анонимность «комментов» стала причиной выбора такой формы речи в драме ее сочинителями.) Появляющиеся лишь в 3-й части подписи под отдельными репликами мало способствуют конкретизации образов говорящих. Их введение продуктивнее рассматривать как минус-прием, не вносящий – вопреки ожиданиям – определенность в наше представление о субъектах речи: например, такой эффект создают подписи «Малгобек. Владикавказ», «Братья Малгобека из Беслана», «Вовас», а также характерные для интернет-дискурса никимаски «Королева Марго», «First Person, адрес – остров Святой Елены» [10].

Выбираемые субъектами речи наименования для себя самих в большей степени работают на экспликацию позиции говорящего. Отчасти это заметно в приведенных выше масочных никах, но ярче проявляется в других подписях – «Москвичка», «Нохчи», «Дочь гор, притихла в ожидании», «Гражданин России IVANOV», «Сибиряк» [11]: все эти автономии связаны с обсуждаемыми темами и служат подтверждением тех мнений, что высказаны в комментариях.

Принципы интернет-коммуникации, реализованные в пьесе, трансформируют драматический конфликт и сюжет. Конфликт «Сентябрь.doc» определяется соотношением позиций героев, но так как они не коммуницируют друг с другом, то противоречия между ними существуют лишь потенциально: увидеть различие мнений, то есть актуализировать конфликт – задача читателя. В силу независимости реплик героев друг от друга эксплицированный в них зазор в осмыслении ситуаций не может быть устранен. Поэтому сюжетная динамика обеспечивается не речевым противодействием героев, но варьированием тематики высказываний и раскрытием всего диапазона мнений о предмете дискуссии. Появление каждого нового комментария становится своего рода «перипетией», ибо меняет конфигурацию не согласующихся между собой позиций.

Содержательное разнообразие позиций усиливается пестротой речевых жанров: в комментарии введен фрагмент проповеди (см. реплику № 6), свидетельство религиозного адепта (№ 9), список шахидов, любительская поэзия, весьма неуклюжая в ритмическом плане (№ 41) и др.

Помимо собственной речи разных субъектов в текст комментариев включается чужое слово: например, цитируется письмо о гражданской акции [12], заявление ассоциации «Матери Чечни за мир».

При всей своей специфике сочинение М. Угарова и Е. Греминой воздействует на реципиента согласно природе драмы, почему и можно рассматривать «Сентябрь.doc» как сетевую разновидность данного рода литературы. Проблематика пьесы и спектр мнений по обсуждаемым вопросам разрастаются, как снежный ком, что может быть названо восходящей линией действия. Экспрессивные высказывания доводят «градус» сопереживания читателя до предела. В свете этого два последних комментария становятся кульминацией и развязкой. Это высказывания – о равнодушии к произошедшему, неспособности очередных субъектов речи переживать сочувствие к пострадавшим – психологически закономерный итог переизбытка радикальных мнений и страстей [13]. Здесь совершается катастрофа, но не в судьбе отдельного персонажа, а так или иначе касающаяся всех субъектов речи. На наш взгляд, она состоит в невозможности обрести диалогическое (если выразаться пафосно, гуманистическое) взаимодействие с Другим. Равнодушие последних субъектов речи высвечивает как трагичность их системы ценностей, так и ущербность позиций всех тех, кто говорил прежде. При этом катастрофа осознается и героем, и читателем: осмысление данного итога как обусловленного художественными особенностями сетевой драмы рождает ее эстетическое переживание – катарсис.

Композиционно-речевая форма интернет-комментариев не предполагает введение в пьесу ремарок в традиционном их понимании, поэтому авторский паратекст в драме представлен в минимальном объеме – заглавие пьесы, фраза, характерная для сетевых сочинений «Основной текст, закрепленный к премьере 23 июня 2005 г.», заглавия частей. Кроме того, все комментарии в пьесе пронумерованы, но в этом едва ли можно видеть авторское программирование последовательности реплик. Создается иная иллюзия: автор в сетевой драме уже не творец, режиссер, а тот, кто лишь внешне оформляет высказывания субъектов речи в завершённый текст произведения. Читателю предлагается воспринимать текст «Сентябрь.doc» как аутентичные «комменты», не модерированные кем-то сторонним.

Вместе с тем автор получает возможность эксплицировать свою трактовку высказываний персонажей – через заголовки, предваряющие комментарии. Эти заголовки можно было бы рассмотреть как темы комментариев – такая строка есть в разделе для обратной связи на многих интернет-страницах. Ряд заголовков по своей стилистике близок манере речи героев: «Наш уазик», «Быдло на площади», «Дочки плачат часто» [14]. Но вне зависимости от стилистических особенностей все заголовки представляют собой лаконичное резюме комментариев, данное с метапозиции, то есть не героями, а автором. Такова же функция заглавий восьми частей пьесы, на которые она разделена: «Запах мускуса» – «Первое сентября» – «Месть» – «Хиджаб» – «Легко сидеть за компом» – «Заложник» – «Out» [15]. Они обозначают те «болевы моменты», что порождают речевую активность героев. Поэтика сетевой драмы во многом оказывается созвучна художественным особенностям иных современных пьес, в которых авторская точка зрения не вуалируется, а декларируется. При этом заголовки работают на тот же художественный эффект, что и комментарии: микрорезюме усиливают ощущение разнородности позиций, высказанных героями, то есть продвигают развитие сюжета к описанной выше катастрофе.

Наконец, формат комментариев открывает возможность включить в текст литературного произведения элементы интерфейса интернет-страницы. М. Угаров и Е. Гремина этим не злоупотребляют: в пьесе нет «смайликов» и иных иконических образов, а надписи, обозначающие функции страницы, появляются лишь в одном, 40-м комментарии:

«Посмотреть профиль!
Добавить Ахмад Яхья АбуАбдуррахман в список друзей!
<...>
Посмотреть профиль!
Добавить NEVESTA, адрес – Воробьевы горы в список друзей!
<...>
Посмотреть профиль!
Добавить First Person, адрес – остров Святой Елены в список друзей!» [16]

В тексте драмы все эти фразы не являются гиперссылками [17]. Тем не менее, они создают ощущение, что взгляд оформителя текста двигался по экрану монитора, выхватив из общего массива в том числе и эти части контента. То есть кто-то до читателя проделал эти операции и предлагает повторить его маршрут движения по тексту. Сетевая драма создает иллюзию непо-

средственного контакта реципиента с автором – «первопользователем» текста пьесы.

Элементы интерфейса интернет-страницы провоцируют читателя «как бы», то есть виртуально добавить одного из героев в друзья, тем самым приняв позицию этого субъекта речи. Надпись «Добавить (того или иного комментатора) в друзья» появляется в тексте трижды: в первом высказывании, дополненном этими «функциями», излагаются правила отношения мужчины к женщине в мусульманской семье, во втором представлена фраза NEVESTы, принимающей данные тезисы, в третьем – реплика First Person, их отвергающего. Автор вновь уходит от однозначности своей оценки – читателю предоставлен весь спектр возможных мнений, выбор за нами.

Тем самым ни авторские резюме в заголовках, ни элементы интерфейса не привносят в произведение авторитетную завершающую интенцию, сохраняют равнозначность альтернативных позиций, что органично для литературного рода драмы.

Сетевая драма во многом модифицирует характерные для этого рода литературы принципы построения текста и презентации в нем образа человека-в-мире. Литературоведческий анализ поэтики сетевой драмы предполагает переосмысление категорий «драматическая образность», «герой», «конфликт», «сюжет». Тем не менее, отмеченные изменения обеспечивают ортодоксальный для драмы тип художественного завершения и воздействия произведения на реципиента. Более того, сочинение М. Угарова и Е. Греминой требует активного достраивания/актуализации читателем ключевых элементов художественной структуры произведения, в силу чего может быть воспринято как литературный феномен только на фоне досетевой драматической традиции.

Наконец, вновь отметим, что пьеса «Сентябрь.doc» – единственный образец пьесы, поэтика которой определяется интернет-коммуникацией. На сегодняшний день можно говорить не о феномене драмы в сети, а лишь о прецеденте.

Примечания

1. См. об этом подробно: Караковский А. История и практика сетевой литературы [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.netslova.ru/karakovski/rulinet.html; Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна

[Текст] // Новое литературное обозрение, № 32 (4), 1998, с. 29–47; Кузьмин Д. Тонус неразличения. Сетевой литературы нет. Что же есть? [Текст] // Литературная газета, 2000, № 31; Кузнецов С. Рождение Игры, смерть Автора и виртуальное письмо [Текст] // Иностранная литература, 1999, № 10; Кушнир А. Чат как драма [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.netslova.ru/teoriya/kushnir.html; Шмидт Э. Об универсальных библиотеках и садах расходящихся тропок [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.netslova.ru/schmidt/hypertexts.html>.

2. Сленговое название таких комментариев, используемое интернет-сообществом, – «комменты».

3. Несмотря на то, что интернет-комментарии – это письменный текст, по своей стилистике они близки спонтанной устной речи. Поэтому, характеризуя их, мы будем использовать глаголы, обозначающие устное высказывание.

4. «№ 13. По телефону. Мужчины. <...> По телефону. Женщины. <...> По телефону. Анекдот». (Гремина Е., Угаров М. Сентябрь.doc [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.theatre-library.ru/files/u/ugarov/ugarov_gremina_1.doc). Далее все ссылки даются по указанной версии текста.

5. Безусловно, режиссер может «достроить» визуально-пластическую составляющую, но полное отсутствие в тексте каких-либо факторов, способных сформировать наглядный образ человека и мира хотя бы контурно, делает более ощутимой дистанцию между сочинением М. Угарова и Е. Греминой и подобной его постановкой.

6. При этом «я» субъекта речи может и не быть эксплицировано, но голос его опознается по речевой манере.

7. В частности, сообщается о конкретных участниках восстания, их родственниках, высказываются разные версии причины гибели детей в Беслане, обвиняется милиция, обсуждаются женщины-шахидки, ношение хиджаба, выражаются опасения по поводу территориальных претензий со стороны китайцев, заселения ими Сибири и т. д.

8. Гремина Е., Угаров М. Сентябрь.doc.

9. Наиболее очевидный вариант – информационное сообщение, которое могло бы открывать часть № 6 «Заложник». Вероятно, это инструкция для тех, кто оказался в столь страшном положении. Реплика героя становится «ответом» на эти рекомендации: с предложенным алгоритмом поведения он не согласен, «в связи с этим предлага<ет> другую тактику действий» (Гремина Е., Угаров М. Сентябрь.doc).

10. Гремина Е., Угаров М. Сентябрь.doc.

11. Указ. соч.

12. «"Эхо Москвы", "Московские новости", "МК", "Новая газета", "Комсомольская правда", "Российская газета", "Известия", "РосБизнесКонсалтинг" просят вас участвовать в акции солидарности. В Беслане погибли наши дети. Мы оказались бессильны защитить их от смерти. Мы все виновны. На девятый

день после первой смерти в Беслане, – не пожалейте десять секунд своего времени. В четверг, 9 сентября 2004 года в 9:00. Если вы идете по улице, остановитесь. Помолчите. Вспомните о погибших. Если вы за рулем, нажмите сигнал. Не выключайте ближний свет в этот день. В знак скорби. В память о погибших и во имя живых» (Гремина Е., Угаров М. Сентябрь.doc)

13. Прочитируем лишь один из двух комментариев, последний в пьесе: «Вот после событий в Беслане тут целая волна. Люди меняют юзерпики на траурные, свечи в окна...

А я вот тут подумал. А ведь мне не жалко никого из детей. Ну вот не чувствую я ничего. Я никого из погибших не знал. Они мне чужие люди. И до их горя мне нет дела.

Единственное что я чувствую... ну может зачатки страха... И облегчение, что не со мной, и ни с кем из

моих близких. Возмущение, что такое вообще возможно. Сочувствия нет. Я не могу сочувствовать чужим людям.

Поэтому свечку я, пожалуй, ставить не буду. Да и юзерпик менять тоже. И вообще делать вид, что у меня траур. **У меня – все отлично!** А лицемерить и изображать горе потому что «так надо» – не хочу.

Когда у меня будут дети, я буду еще больше радоваться после терактов, что моих детей там не было.

А если они там окажутся... то мне на сочувствие окружающих будет, мягко говоря, пофигу» (Гремина Е., Угаров М. Сентябрь.doc)

14. Указ. соч.

15. Указ. соч.

16. Указ. соч.

17. В связи с этим отметим: пьеса «Сентябрь.doc» может существовать вне сети.